

Вадим Беспрозванный Маргиналии к заметкам С.Г. Шиндина о «Мандельштамовской энциклопедии»

Провал академического «долгостроя» – «Мандельштамовской энциклопедии» [далее МЭ] – оказался соразмерным масштабу его замысла, а уровень продемонстрированного непрофессионализма – неожиданным, если учесть, что, кроме постоянно менявшегося состава редколлегии МЭ, главными редакторами ее неизменно состояли П.М. Нерлер и О.А. Лекманов, специалисты в области мандельштамоведения, авторы множества исследований о Мандельштаме [далее О.М.]. В состав научной редакции входил до осени 2015 г., как явствует из его слов, и С.Г. Шиндин, автор статей-рецензий, опубликованных в *Toronto Slavic Quarterly*.¹ Ему же мы обязаны собранными вместе сведениями об изначальных планах этого издания и воплощении их в жизнь. С воплощением, впрочем, многие успели познакомиться и до критических заметок Шиндина. Даже при беглом просмотре двух томов МЭ становится ясно, что гора родила мышь, и мышь эта оказалась глухой, хромой и одноглазой.

Сразу после выхода МЭ из печати появились – сначала удивленные, а потом возмущенные, – реплики относительно этого издания: в социальных сетях, в личной переписке и в личном общении. То, что я прочитал или услышал об этом от ряда авторов, участвовавших в создании МЭ, касается редакционного самоуправства, некомпетентной правки, попросту изуродованных, а то и потерянных статей. За редким, видимо, исключением, замечание, помещенное на шмуцтитуле первого тома энциклопедии, – «все статьи опубликованы в авторской редакции» – оказалось неправдой.

Причины провала предоставим описывать ответственным за него: причин, вероятно, будет названо немало, но главная среди них – это отсутствие ответственности за предпринятое.

Сергей Шиндин взял на себя титанический по размаху, но вместе с тем и сизифов по сути труд по исправлению разного рода несчетных ошибок, восполнению пробелов и даже отчасти по выполнению корректуры этого, в целом безнадежного по своим результатам предприятия. Несколько удивляет энергия рецензента, направленная на

---

¹ Шиндин С. «Печальную повесть сотворив...»: К выходу в свет «Мандельштамовской энциклопедии». Статья первая: А – Д // *Toronto Slavic Quarterly*. No 63. Winter 2018; (TSQ, No 64. Spring 2018, No 65. Summer 2018)

исправление ошибок и восполнение пробелов в статьях, которые, как это хорошо известно самому С. Шиндину, были опубликованы не в «авторской», а в «редакторской» редакции, т.е., в ряде случаев представляют собой полную или частичную бессмыслицу. Если уж ученая редколлегия (не без участия многоуважаемого рецензента) сделали «из дуба спичку» (есть такая украинская поговорка – «зробив з дуба сірник») стоит ли теперь прибегать к столь же бессмысленной процедуре и пытаться сделать из спички дуб? Если редколлегия МЭ водила авторов за нос по пустыне лет пятнадцать, сколько же времени займет ретроактивный процесс? Тем более, что намерения рецензента и, шире, его взгляды на возможность переиздания МЭ, временами напоминают пресловутое «казнить нельзя помиловать». Сравним его высказывания в первой из опубликованных статей – «менее всего хотелось бы заранее предрекать неудачу продолжению этого проекта, но невозможность его успешной реализации представляется более чем вероятной в силу как субъективных, так и объективных причин» – со статьей второй: «Остается только надеяться, что обещанное второе издание энциклопедии станет реальным шагом вперед на целое десятилетие и выполнит первоначально отводившиеся ему функции в изучении биографии и творческого наследия Манделъштама». И далее: «И здесь возможен уже совершенно противоположный вариант развития событий вокруг «второго издания» МЭ, при котором авторы, напротив, поспешат принять участие в этом начинании, стремясь хотя бы отчасти снизить негативный эффект от первоначальных вариантов своих материалов».

Теперь – *pro domo sua*. Мое участие в названном издании, собственно говоря, было скромным – я написал для него две небольших статьи – «Багрицкий» и «Гоголь». Первая из них – совсем небольшая – вышла в таком сокращенно-изуродованном виде, что даже автор не сразу опознал в ней «нешасный плод» некоординированной работы «автор-издатель», длившейся около пятнадцати лет. И если бы из статьи не был вырезан (скорее, выдран) кусок текста, в следующем вполне справедливом замечании С. Шиндина не было бы нужды:

В 1920 году стихи О.М. и Багрицкого соседствовали в феодосийском альманахе «Ковчег» [...], но при этом сведения о личном общении двух поэтов отсутствуют. Единственное, видимо, исключение – сравнительно недавно введенное в научный оборот письменное свидетельство Николая Харджиева о его знакомстве с О.М. осенью 1928 года именно в доме Багрицкого, где он тогда временно проживал: «М[анделъштам] приехал в Кунцево с Зенкевичем. Беседа была многочасовая, пили вино, сочиняли шуточные экспромты на

мотив 'Гаврилы'. Тогда же М[андельштам] предложил Багрицкому и Х[арджиеву] встретиться в Москве, у Адуева. Встреча состоялась». В.Г. Беспрозванный, не указывая источников, называет другую дату, более абстрактную: «Личное знакомство поэтов состоялось после переезда Багрицкого в Москву из Одессы (август 1925)»

А вот то, что было написано в последней версии статьи, отправленной в редакцию:

*Личное знакомство О. М. и Б. состоялось после переезда Б. в Москву из Одессы (авг. 1925). О. М. бывал у Б. в Кунцево (см.: Колычев), об одной из этих встреч, произошедшей осенью 1928, вспоминает Н. И. Харджиев: «М[андельштам] приехал в Кунцево с Зенкевичем. Беседа была многочасовая, пили вино, сочиняли шуточные экспромты на мотив „Гаврилы“. Тогда же М[андельштам] предложил Багрицкому и Х[арджиеву] встретиться в Москве, у Адуева. Встреча состоялась...» (Харджиев/ Нерлер. С. 674-675). Ссылки: Колычев О. Я. Встречи у Багрицкого. <Черновая ред. восп.>. ОР Одесского лит. музея; Харджиев Н. И. Письмо-«рецензия» на книгу Э. Г. Герштейн «Новое о Мандельштаме», цит. по: Нерлер П. *Con amore: Этюды о Мандельштаме*. М., 2014.*

Особую прелесть бестолковой правке редактора придает сохранение ссылок на вымаранные здесь и далее цитаты – Шиндин остроумно называет это явление «библиографическим колодцем» (о этом см. далее).

Более спорным представляется другое замечание автора рецензии – касательно того, что «без указания остается главный, очевидно, факт – устойчивая «генетическая зависимость» поэзии Эдуарда Багрицкого от творчества О.М.». Во-первых, здесь следует отделить рецепцию современников поэта от исследовательской точки зрения. В части первой, за «генетическую зависимость», да к тому же «устойчивую», и именно от поэзии О.М., видимо, принята куда более очевидная и отмеченная еще современниками «гумилиятина» Багрицкого (содержательный обзор этой темы содержится в работе Р. Тименчика «Читатели Гумилева»: см. Тименчик Р. Д. Что вдруг. Статьи о русской литературе прошлого века. 2008. Иерусалим – Москва. С. 381–384), равно как и интерес Багрицкого к поэзии акмеизма в целом (влияние Нарбута на творчество Багрицкого – отдельная тема, требующая более детального анализа), т.е. к тем общим чертам, которые для поэта объединяли представляющиеся сегодня необъединимыми О.М., Гумилев, Нарбут, Ахматова.² Поэтому в цитате из статьи Брюсова, приведенной Шиндиным, речь

---

² В указанной работе Р. Тименчик цитирует статью И.С. Поступальского, содержащую следующее замечание: «[...] когда мы читаем у Э. Багрицкого:

Это стремглав, наудачу, в прорубь,
Это, деревянные вздувая ребра,
В гору вылетая, гремя под гору,
Дом пролетает тропой недоброй —

нам вспоминаются и Мандельштам, впервые пожелавший “из тяжести недоброй” создать прекрасное, писавший о городе, чувствующем “свои деревянные ребра”, и Гумилев, у которого древние кумиры “смеются усмешкой недоброй”, и

идет не о «зависимости поэзии Эдуарда Багрицкого от творчества О.М.», но лишь о предполагаемой Брюсовым «нео-акмеистичности» ряда молодых поэтов, Багрицкого в их числе, за которой Брюсову же видится авторитет О.М. Рецензент и сам (но, правда, уже в статье №3) поднимает тему значительного влияния Гумилева и Нарбута на поэтику Багрицкого: обосновав «устойчивую генетическую зависимость» Багрицкого от О.М. мнением современников, но обойдя вниманием его поэзию как таковую, С. Шиндин пишет о влиянии Гумилева и Нарбута на Багрицкого, что по отношению к О.М. означает... ?

Еще одно замечание С. Шиндина к статье о Багрицком:

И здесь опять приходится говорить о встрече с «библиографическими колодцами», когда удаленные указания источников цитат лишают всякого смысла авторское утверждение о том, что «исследователи отмечают интертекстуальную связь между стихотворением О.М. “1 января 1924” и поэмой Багрицкого “ТВС” или даже усматривают наличие “литературного диалога” между О.М. и Багрицким».

Со сказанным нельзя не согласиться. Привожу этот фрагмент статьи, по которой тоже, конечно, прошла творческая кисть редактора (цитирую по рукописи, которая была в качестве последнего варианта отослана в редакцию):

Исследователями не однажды отмечались интертекстуальные связи между поэзией О. М. и Б. Так, например, между стих. О. М. «1 января 1924» и поэмой Б. «ТВС» (Ропен. Р. 320), между стих. О. М. «За гремящую доблесть грядущих веков...» и вышеуказанной поэмой Б. (Куняев. С. 159). Указывая на сходство этих двух произведений, Ст. Куняев подчеркивает, что «параллель Б. — О. М. более интересна и сложна, чем это может показаться на первый взгляд» и называет эту параллель «полемической». Наличие «лит. диалога» между О. М. и Б. рассматривается в статье А. Рейнольдса (Reynolds. С. 143–146). Сопоставлению творчества двух поэтов в отношении к их принадлежности к русской литературе и к русскому еврейству посвящен небольшой раздел книги Элис Стоун Нахимовски (Nakhimovsky. Р. 20–28).

Необходимо заметить, что статьи-рецензии Шиндина многим интересны, автор их нередко демонстрирует глубокую эрудицию и знание предмета. Так, например, рецензию Марка Слонима, высказывание Сергея Рудакова³ и ряд др. попыток сблизить поэзию (раннего, надо думать) О.М. и поэзию раннего же Багрицкого, мне следовало бы использовать в статье, разумеется придав им несколько иной смысл (как уже было

плотоядная выразительность стихов Нарбута или Зенкевича...» (Поступальский И. Поэзия Э. Багрицкого // Печать и революция. 1928. № 5. С. 124).

³ Необходимо, впрочем, оговаривать известную противоречивость его высказываний: Рудаков нередко противоречит сам себе.

сказано выше, необходимо помнить о различии между прижизненной рецепцией и исследовательской точкой зрения).

Обширные замечания рецензента не всегда достигают цели в приложении к предмету; в особенности ему вредит желание строить косвенные (часто очень косвенные) предположения. Посмотрим, к примеру, на еще одно замечание С. Шиндина (опечатки я позволил себе не сохранять):

Некоторыми новыми замечаниями частного порядка представляется оправданным дополнить комментарии к публикации «Багрицкий Э.Г.» (В.Г. Беспрозванный) <...>. Одним из наиболее актуальных среди них, безусловно, является относящееся к середине 1933 года свидетельство Надежды Вольпин о том, что Багрицкого «Мандельштам считал очень посредственным поэтом» <...>. Учитывая сказанное, тем не менее, кажется допустимым высказать предположение о том, что отношение О.М. к личности и творчеству Багрицкого после внезапной смерти младшего поэта 16.2.1934 могли претерпеть некоторые изменения, чему, в частности, позднее способствовало его общение в Воронеже с Сергеем Рудаковым.

В моей статье приводятся две цитаты – из мемуаров Липкина и из письма Рудакова, к моему удивлению, сохранившиеся в печатном варианте. Смысл их достаточно близок словам Надежды Вольпин, и, с этой точки зрения, ее свидетельство никакой новой информации не содержат. Но за ними стоит, как мы полагаем, куда более интересный сюжет, а именно – ревность или, если угодно, зависть к тогдашней популярности Багрицкого:

Я рассказал ему, как его любит Багрицкий, можно сказать, боготворит его, а Багрицкий тогда был гораздо популярнее Мандельштама и среди читателей, и в литературных кругах. Но Мандельштама мое сообщение не тронуло. «У него в мозгу фотографический аппарат, – сказал он. – Выйдет на Можайское шоссе, так непременно увидит Наполеона. Лучшее у него от Нарбута» (Липкин С.И. Квадрига. М., 1997. С. 394-395)

Стоило ли бы добавить к приведенным в статье свидетельствам Липкина и Рудакова и слова Надежды Вольпин? Да, конечно. И сюжет о «зависти/ревности» следовало бы упомянуть. Но тут многоуважаемый рецензент, видимо, забыл о тех ограничениях на объем статей, которые существовали вначале проекта МЭ и, в особенности, о тех, которые были введены явочным порядком. Так, моя статья о Багрицком, посланная в редакцию энциклопедии, содержала, включая ссылки, 3430 слов, а в опубликованном варианте – уже 1477, о чем я, как многие коллеги, узнал уже post factum. Вернемся к последней цитате из статьи Шиндина, несколько «приблизив» ее для более внимательного прочтения:

Учитывая сказанное, тем не менее кажется допустимым высказать предположение о том, что отношение О.М. к личности и творчеству Багрицкого после внезапной смерти младшего поэта 16.2.1934 могли претерпеть некоторые изменения, чему, в частности, позднее способствовало его общение в Воронеже с Сергеем Рудаковым.

Аргументы к высказанному предположению в кратком виде выглядят следующим образом:

1. В 1927 году Багрицкий написал «Разговор с комсомольцем Н. Дементьевым».
2. Дементьев написал «Ответ Эдуарду» (1928).
3. В тексте ответа содержится упоминание стихотворения Эдгара По «Ворон».
4. На важность «Ворона» для творчества О.М. обратил внимание О.А. Лекманов.
5. Поэзия Багрицкого «генетически зависима» от творчества О.М.».

Сходный тип рассуждений С. Шиндин использует и в длинном пассаже о статьях известного рапповского критика А.О. Селивановского, посредством рассмотрения которых рецензент опять-таки устанавливает связь (какую? «генетическую», «типологическую», «по смежности»?) между Багрицким и О.М.: «[...] в обоих вариантах статей Селивановского о Багрицком в относительно доброжелательном контексте присутствуют неоднократные упоминания О.М. и цитаты из его стихотворений». Что и сближает, по мнению автора, двух названных поэтов. То есть:

1. Селивановский доброжелательно пишет о Багрицком.
2. В той же статье Селивановский доброжелательно упоминает О.М.
3. Это (видимо) сближает Багрицкого и О.М.

Еще одно основание для сближения Багрицкого и О.М., которое исходит из того неоспоримого факта, что псевдоним Н.С. Тихонова «Ник. Багрянцев» «фонетически и «семантически» близок псевдониму Дзюбина – «Багрицкий», мы рассматривать не будем, все это имеет ту же несколько гадательную основу. И, главное, я затрудняюсь представить все эти предположения в приложении к жанру энциклопедии.

Кстати, о жанре: цитирую последний абзац из критических заметок С. Шиндина:

Также кажется необходимым заметить, что вряд ли достаточной для жанра энциклопедии можно считать следующую формулировку, предложенную автором заметки: «Багрицкий был среди писателей, поддержавших О.М. в скандале, связанном с А.Г. Горнфельдом» (с. 100, стб. 1). Помимо того, что происшедшее далеко выходило за рамки «скандала, связанного с А.Г. Горнфельдом», Багрицкий не просто «был среди писателей, поддержавших О.М.», а стал одним из тех пятнадцати литераторов, кто подписал открытое письмо в его защиту, 13.5.1929 опубликованное в «Литературной газете».

Ну что тут скажешь? Конечно, недостаточная формулировка. И дополнение к ней недостаточное. Я-то в глубине своей наивности был совершенно уверен в том, что в состав МЭ будет включена статья о с А.Г. Горнфельде, и добродетельному редактору останется только вставить в мою статью соответствующую ссылку. И в плохом сне мне не представилось бы, что вместо подробного изложения «дела Горнфельда» в 1-ом томе МЭ его имя будет упомянуто в разных (в том числе и совпадающих) контекстах, относящихся к более чем десяти разным статьям.

Я рад, что моя небольшая заметка о Багрицком послужила своего рода катализатором к появлению многочисленных соображений, которыми С. Шиндин предложил дополнить ее, придав небольшой статье монографический масштаб. Надеюсь, что к этому подтолкнул рецензента именно выход МЭ из печати. Было бы грустно думать, что все эти соображения были накоплены им еще в годы пребывания в составе злокозненной редакции, и только сейчас бывший член научной редколлегии считал возможным поделиться ими. Ни в коем случае не могу отнести себя к категории авторов, свирепеющих от любой критики, – дельные соображения коллег, высказанные в процессе работы, очень ценны, особенно разумные предложения редактора обратить внимание на незамеченный автором материал, либо совет подробнее показать то, что лишь кратко упомянуто. В процессе работы над энциклопедией ничего такого полезного сделано не было, а изначально поставленные условия (см. выше) заставляли писать покороче, скорее перечисляя факты, нежели объясняя их.

* * *

Другим моим «вкладом» в это безнадежное предприятие была статья о Гоголе. Многоуважаемый рецензент отметил в ней лишь несколько опечаток (числом три), за появление которых в данном случае ответственен Николай Васильевич Гоголь. Или бес, беспардонно угнездившийся в фамилии автора «несчастной» статьи о Гоголе. Иначе объяснить их не берусь. Дело в том, что эти опечатки (увы!) были в той рукописи, которую я отослал в редакцию. Но цитаты в нее я вставлял методом copy/paste из двухтомного собрания сочинений Мандельштама, в котором означенные цитаты указанных рецензентом ошибок не содержат. Не иначе – бес попутал!

Как и многие авторы МЭ, наверное, я полагал, что в этом солидном мероприятии будет тысяча редакторов и не менее тридцати пяти тысяч корректоров. Насчет наличия

последних ничего не скажу, не знаю, но вот редакторы там были, их было явно больше двух, и работали они очень независимо – не только друг от друга, но и от авторов – подателей статей.

Мою статью о Гоголе не резали на куски тем манером, что статью о Багрицком, с ней было все еще сложнее: ее правили и снабжали ссылками. Счет этим правкам потерян давно, сохранять их не было никакого желания. Стараясь следить за тем, кто первый сказал «э!», мне не хотелось все же впадать в крайность, и расставлять ссылки в тех случаях, когда речь идет не о тонком новаторском наблюдении или толковании, но о чем-то вполне очевидном. В переписке с редакцией, а особенно в окончательной (так сказать) версии статьи, все постоянно менялось: то появлялись ссылки на О. Лекманова (уверен, что сам Олег Андершанович об этом заботиться бы не стал), то их убирали. Вообще, статья жила какой-то отдельной от автора жизнью, понять которую сейчас уже трудно.

Мне не хочется останавливаться здесь подробно на других, не очень симпатичных (думаю, не только мне) жестях отцов-основателей МЭ: о требовании вернуться и работать над написанным лет десять назад, о невнятной системе гонораров («бесплатно» звучит лучше, чем первоначальное пообещать 3 руб. 33 коп. и выплатить 1 руб. ровно), о рассылке абсолютно диких «соглашений» и «заявлений», в которых авторам предлагается отказаться от авторских прав, но обязаться вносить поправки, доработки и т.п. («Это что за филькина грамота? [...] Что такое – «обязуется, обязуется», а они обязуются хоть в чем-нибудь?»), о чудном «кто желает приобрести ее [МЭ] по отпускной цене издательства РОССПЭН (5 000 р.)». Заканчивать написанное такими грустными, а, главное, вполне бесполезными замечаниями, жаль. Лучше я кратко расскажу о забавном и бесполезном опыте моего сотрудничества с МЭ.

Написав первый вариант статьи о Гоголе, я получил письмо из редакции, в котором среди каких-то замечаний содержалось следующее: «Гоголь родился не в Больших Сорочинцах, как Вы пишете, а в Великих». И правда: большинство биографий Гоголя, большинство которых написано Ю.В. Манном, вплоть до сравнительно недавней статьи в «Словаре русских писателей», содержат указание на то, что Н.В. Гоголь родился в селе Великие Сорочинцы. Но дело в том, что Сорочинцы⁴ эти стали «великими» в результате

---

⁴ Энциклопедический Словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (Т. IX. Гоа – Гравер. СПб., 1893. С.17) по этому поводу сообщает следующее: «Он [Гоголь] родился 19 марта 1809 года в местечке Сорочинцах (на границе Полтавского и Миргородского уездов)». Журналист и писатель В.А. Гиляровский, украинец по происхождению, назвал место рождения

неверного перевода с украинского языка на русский: «великий/великі» означает «большой/большие». И дело не только в языковой неточности: в славянской географии деление села/деревни на «верхнюю/нижнюю», «большую/малую» – давняя и устойчивая традиция. Будем считать, что пафос последнего абзаца – «на заметку гоголеведам».

Приложение: Статья «Багрицкий» (В.Г. Беспрозванный) в авторской (неопубликованной) редакции.

БАГРИЦКИЙ Эдуард Георгиевич (наст. имя, отчество и фам. Эдуард Годелевич Дзюбин) (22.10.1895, по др. данным, 23.10.1895, Одесса – 16.2.1934, Москва), поэт, переводчик. О. М. всегда был в числе наиб. высоко ценимых Б. поэтов («Я лечу свою астму, читая вслух Мандельштама», — говорил Б. С. И. *Липкину*). По свидетельству Липкина, «Б., можно сказать, боготворил» О. М. (Липкин. С. 375; 394; Олеша. С. 30). Н. М. *Любимов* вспоминает, «с каким упоением <Б.>, несколько раз подряд, навзрыд распевал он мне Мандельштама: «Я пью за военные астры [...]»» (Любимов. С. 395). Любимов также приводит слова Б. о стихах О. М.: «Я их [...] знаю наизусть – от доски до доски» (Любимов. С. 384).

Личное знакомство О. М. и Б. состоялось после переезда Б. в Москву из Одессы (авг. 1925). О. М. бывал у Б. в Кунцево (см.: Колычев), об одной из этих встреч, произошедшей осенью 1928, вспоминает Н. И. *Харджиев*: «М[андельштам] приехал в Кунцево с Зенкевичем. Беседа была многочасовая, пили вино, сочиняли шуточные экспромты на мотив „Гаврилы“. Тогда же М[андельштам] предложил Багрицкому и Х[арджиеву] встретиться в Москве, у Адуева. Встреча состоялась...» (Харджиев / Нерлер. С. 674-675; ср. также: Харджиев / Голубкина - Врубель. С. 364).

Б. был среди писателей, поддержавших О. М. в скандале, связанном с А. Г. *Горнфельдом* (см.: Письмо в редакцию // ЛГ. 1929. 13 мая. № 4). В. И. *Нарбут*, друг и родственник Б. (они были женаты на сестрах Суок), предлагал О. М. принять участие в формировании новой акмеистич. группы, куда, кроме самого Нарбута и О. М., должны были входить Б. и И. Э. *Бабель* (Мандельштам Н. (2). 1999. С. 61, 128).

По мнению Липкина, О. М. не слишком высоко оценивал поэзию Б.: «У него в мозгу фотографический аппарат <...>. Выйдет на Можайское шоссе, так непременно увидит Наполеона. Лучшее у него от Нарбута» (Липкин. С. 395). Согласно воронежскому письму С. Б. *Рудакова* к жене 1935, О. М. называл Б. «подпоэтом» (см.: Герштейн. С. 153). Тем не менее, О. М. знал поэзию Б. и осознавал значимость его творчества для современной русской литературы: в критической рецензии на сборник стих. А. Коваленкова О. М. замечает, что молодого поэта «нельзя назвать ни учеником Пастернака, ни Гумилева, ни Асеева, ни даже Багрицкого». Несмотря на уступительное «даже», ряд, в который помещен здесь Б., показателен (О. М. III, 411)

Исследователями не однажды отмечались интертекстуальные связи между поэзией О. М. и Б. Так, например, между стих. О. М. «1 января 1924» и поэмой Б. «ТВС» (Ronen. P. 320), между стих. О. М. «За гремящую доблесть грядущих веков...» и вышеназванной поэмой Б. (Куняев. С. 159). Указывая на сходство этих двух произведений, Ст. Куняев подчеркивает, что «параллель Б. — О. М. более интересна и сложна, чем это может показаться на первый взгляд» и называет эту параллель «полемиической». Наличие «лит. диалога» между О. М. и Б. рассматривается в статье А. Рейнольдса (Rensolds. С. 143–146).

Сопоставлению творчества двух поэтов в отношении к их принадлежности к русской литературе и к русскому еврейству посвящен небольшой раздел книги Элис Стоун Нахимовски (Nakhimovskiy. P. 20-28).

Лит.: Колычев О. Я. Встречи у Багрицкого. <Черновая ред. восп.>. ОР Одесского лит. музея; Куняев Ст. Ю. Времена и легенды // Дон. 1989. № 5; Липкин С. И. Квадрига. М., 1997; Любимов Н. М. Неувядаемый цвет: Книга воспоминаний. В 3 томах. М., 2000-2007. Т. 1; Голубкина - Врубель. «Н. Харджиев: будущее уже настало // Харджиев Н. И. Статьи об авангарде в 2 томах. Т. 1. М., 2000; Харджиев Н. И. Письмо-«рецензия» на книгу Э. Г. Герштейн «Новое о Мандельштаме», цит. по: Нерлер П. *Con amore*: Этюды о Мандельштаме. М., 2014; Олеша Ю. К. Личность и творчество // Э. Багрицкий: Воспоминания современников. М., 1973; Ronen O. Approach to Mandel'shtam. Jerusalem, 1983 Rensolds A. «Кому не надоели любовь и кровь»: The Uses of Intertextuality in Mandel'shtam's «За gremuchuiu doblest' griadushchikh vekov» // Столетие Мандельштама; Nakhimovsky A. S. "Bagritsky and Mandel'shtam," in idem, Russian-Jewish Literature and Identity. Baltimore: Johns Hopkins University Press, c1992.

Гоголя «Большими Сорочинцами» (В гоголевщине // Русская мысль. 1900. Кн. 2. С. 121). К некоторому моему изумлению, в варианте статьи, опубликованном МЭ, Сорочинцы все же остались Большими.